

Т Е А Т Р.

Нечаянная радость

Пьеса называется Нечаянная доблесть, но спектакль был, как печальная радость. Мне кажется, что это лучшая постановка за сезон и вообще первый вполне хороший спектакль. Не сомневаюсь, что он именно и будет тем глумлением сезона, который сосредоточит на себе внимание и любовь зрителя.

Были, конечно, раньше исполнения отдельных ролей гораздо большей ценности, были и пьесы лучшие. Но в целом, такого веселого, хорошего и радостного спектакля не было. Артисты и режиссер «наши» пьесу и нужные ей средства сценической выразительности.

Пьеса Юрьина (и по признанию левифронтной печати) безусловно одна из наиболее живых и легких постановок Московского Малого театра и прекрасный материал для актера. Нашему репертуару близка она не только яркой, сочной, лубочной трактовкой полуплощадного фарса, не только выстрелом по бытательской тупости. Наша сцена тоскует о трагедии истинного героизма, но и о фарсе ложного, дутого героизма, лопающегося как мыльный пузырь. Героическое и смешное равно нужны нам.

Есть лавровый лист, которым увенчивают героя, и есть лавровый лист, который владет в суп. Вот об этом последнем лавре, увенчавшем жалкое ничтожество, каракатицу, моллюска, честного бургера, прославленного ошибочной газетной заметкой и попавшего в национальные герои, и рассказывает пьеса. Ее сатира не кусает до крови, не вьедается в тело до костей, но весело смеется над тем, как делается история и великие люди в бытательском сознании.

Постановка очень верно разрешена в плане анекдота. Бургерский дворник и игрушечные горы I и II актов, анекдотическая избушка III дают ту шуточную Африку, которая и нужна. Обстановка играет, шутит. Такая же Африка, в гримах, в костюмах чуть-чуть переборщали.

Игра такая же. Все „вольности лубочной сцены“, изрядная порция балачки — в хорошем смысле этого слова. Заразительно смешно и весело. Спектакль непрерывного, здорового и умно направленного смеха.

Это было настоящее торжество Долгова игравшего Ван-Гутена, дже-героя. Вели-

колепная наглость, сись грубоватой шутки, дерзкая и острая веселость задорный смех гасера, поэзия скоморошеского колена, неподдельное шутовство помогли ему создать воспитательного дурачка, абсолютное ничтожество.

Но что поражает в замысле Долгова — это сила и смелость его комизма. Тема о дураке сценически исчерпана им до дна. Глуше быть нельзя, ничтожнее быть некуда. Если бы само ничтожество приняло человеческий облик, оно попросило бы Долгова одолжить клетчатые штаны и улыбку Ван Гутена. Дурак доведен до предела. Ничтожество возведено в колоссальную степень. Это какая-то сияющая глупость, сверкающая нелепость, блистательный мыльный пузырь, раздувающийся, рожаческое ничтожество, человеческая дурость самой чистой воды.

Чуть мельчит эту шутку легкая прищипка водевильной чепухи в игре: шляпка старой чиновницы и бантик год подбородком, присюсюкивающие нотки в речи и проч. Не вяжется и один акт с другим. В III он незеротно спокоен — где же гомерический трюк? — неубедительно пронырлив и ховок — где же потрясающий дурак?

Вообще, в III акте смеялись больше на сцене, чем в зале. Недо сказать это, хотя и не хочется говорить злые слова.

Слишком расшутили III акт и о петле на шею говорили как о глитке шоколаду. Слишком много крика, неразборчивого галдежа в I акте; нельзя же начинать сразу с самых высоких нот. Вообще мне кажется, что спектакль нуждается в корректуре — и в отдельных ролях и общем ходе пьесы. Избушка редко учитывает, что постановка в провинции создается не на репетициях (их всего четыре-пять), а на самих спектаклях неизбежно сырых вначале. Игра с четырех репетиций это почти импровизация.

Тем значительнее удача актеров. Если исключить несколько неприемлемых фигур, кое-какие частности (опять распев из Бродячей у Вершинина — более приемлемый в анекдоте, но и здесь лишний) — все играли хорошо потому что в весело смешно, в стиле и плане пьесы.

Если бы оттенять эту шутку, ввести серьезную струю в игру — пьеса выиграла бы и обнаружилась, что она нечто большее чем водевиль. Тогда смех в шутке войдут в берега, крик притушится, суета уляжется — и крупная, крепкая соль почувствуется сильней и светлей.

Л. С. Выготский

Ответственные редактора:

Я. МИРОВ, И. ПОЛЯКОВ